
ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

DOI: 10.46725/IW.2021.2.1

Ю. А. Ильин

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ НЭПа (по материалам газеты «Рабочий край» 1921—1922 гг.)

Введение

Актуальность. Побудительным мотивом к рассмотрению темы является схожесть процессов, последовательность и логика их развертывания в системе просвещения в первое пятилетие Советской власти и в постсоветский период, в частности на рубеже XX—XXI вв. Именно в эти периоды с опозданием, ввиду решения властями неотложных политических и военных проблем, в стране «высекались» модели народного образования, соответствующие ценностям и взглядам правящих элит. Принципиально разные по сути коммунистическая и посткоммунистическая системы просвещения и воспитания объединяет одно: узконаправленность интереса (переформатирование сознания учащихся в сторону лояльности новому режиму), «остаточный» подход (в плане финансирования) государства к важнейшей

© Ильин Ю. А., 2021

Ильин Юрий Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Ивановский государственный университет, ilyin37@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Russian History, Ivanovo State University).

сфере жизнедеятельности российского общества, ограниченность средств влияния и контроля гражданского сообщества над делом образования и воспитания подрастающего поколения, убогость социального и материального статуса «мозга и души» школы — народного учительства.

Исторический опыт более чем за 100 лет красноречиво показывает, что пренебрежение к проблемам национальной системы образования на всех ее ступенях неминуемо ведет к деградации основ гражданственности и государственности, высвобождает и стимулирует процессы угрозы потери населением чувства национального самосознания, ощущения своей родины, поддержания ее безопасности, блокирует движение вперед.

По крайней мере два обстоятельства подтолкнули нас обратиться к данному предмету обсуждения.

Во-первых, малоизученность проблемы повседневной жизни учителей советской формации в стране и отдельных регионах, в частности в периоды Гражданской войны и НЭПа. Этот вопрос сознательно замалчивался историко-партийной наукой, ибо реалии тех лет явно не вписывались в респектабельно сконструированную концепцию успешного и поступательного развития страны при коммунистическом режиме, роста материального и социального престижа работников умственного труда, в частности народной интеллигенции. Известные слова В. И. Ленина о том, что «Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это — истина, не требующая доказательств»¹. Здоровое суждение руководителя страны быстро трансформировалось в стойкое убеждение высших сфер власти как свершившийся и обыденный факт, само собой разумеющийся, о котором и не надо говорить. Кстати, такая печальная традиция укоренившегося мнения о социальном статусе учительства прослеживается и в постсоветских управленческих кругах на рубеже XX—XXI вв. В результате, мы пожинаем очередной структурный кризис системы народного образования, ускоренный эпидемиологической ситуацией текущего момента.

¹ Ленин В. И. Странички из дневника // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1970. Т. 45. С. 365—366.

Во-вторых, о «великом голодоморе» 1921—1922 гг. сейчас начали публиковать документы, посвящать ему исследования, что само по себе положительный факт, ибо реанимирует нашу историческую память. Но мало кто обращал внимание на то, что, помимо голодающего крестьянства Поволжья, Украины и Крыма, в те годы данное бедствие со всей силой обрушилось и на учительство Нечерноземья России, провоцируя в его среде акты суицида и морального разложения, вплоть до проституции. Ради исторической правды надо набраться мужества и откровенно рассказать, с какими проблемами столкнулась школа в эти годы, что косвенно покажет статус учителя и позицию властей в данном вопросе.

Историографический обзор. Немалую лепту в фальсификацию и замалчивание вопроса социального и материального статуса советского учителя внесли и исследователи. Историко-партийный принцип интерпретации событий советской эпохи обрекал их на искажение реалий школьной жизни и положения учителя в рассматриваемый нами период. В 1920—1980-е гг. доминировали следующие направления в разработке темы советской системы народного образования: Лениниана, взгляды руководителей партии и государства, культурная революция и интеллигенция, партия и педагогическая интеллигенция, власть и становление единой советской школы, власть и учительство, история советской педагогики и педагогической мысли, перевоспитание старых и подготовка советских кадров для школы; вклад советского учительства в дело ликвидации безграмотности среди населения, в идейно-политическое просвещение и социалистические преобразования в стране² и т. д.

² *Крунская Н. К.* Заветы В. И. Ленина в области народного просвещения. М., 1924; *Луначарский А. В.* Об интеллигенции. М., 1923; *Его же.* Интеллигенция в ее прошлом и будущем. М., 1924; *Зиновьев Г. Е.* Пролетарская революция и учительство. Екатеринбург, 1924; *Его же.* Учитель и диктатура пролетариата. М., 1925; *Ленин В. И.* Социалистическая революция и задачи просвещения (статьи и речи). М., 1925; *Пинкевич А. П.* Советская педагогика за 10 лет (1917—1927 гг.). М., 1927; *Чугуев Т. К.* Ленин и учительство // Коммунистическое просвещение. 1934. № 1. С. 27—34; *Константинов Н. А., Медынский Е. Н.* Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., 1948;

В ряде работ затрагивались аспекты социокультурного облика педагогов, заработной платы, жилищных условий, отдыха учителей, и только вскользь выводились факты, характеризующие рост их материального и социального статуса в годы Советской власти³.

Ким М. Коммунистическая партия — организатор культурной революции в СССР. М., 1955; *Королев Ф. Ф.* Советская школа в период социалистической индустриализации. М., 1959; *Королев Ф. Ф., Корнейчик Т. Д., Равкин З. И.* Очерки по истории советской школы и педагогики. 1921—1931. М., 1961; *Лутченко А. И.* Советская интеллигенция: (формирование кадров советской интеллигенции. 1917—1961 гг.). М., 1962; Великий Октябрь и культурная революция в СССР. М., 1967; *Куманев В. А.* Социализм и всенародная грамотность. М., 1967; Советская интеллигенция: история формирования и роста (1917—1965 гг.). М., 1968; *Гончаров Н. К.* Очерки по истории советской педагогики. Киев, 1970; *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972; *Куманев В. А.* Революция и просвещение масс. 1917—1940 гг. М., 1973; *Луначарский А. В.* О воспитании и образовании. М., 1976; *Ушаков А. В.* Демократическая интеллигенция периода трех революций в России. М., 1976; *Бибанов Т. П.* Общественно-политическая деятельность учительства в период социалистического строительства (1925—1936 гг.) // Советская педагогика. 1977. № 7. С. 85—94; Деятельность партийных организаций по идейно-политическому воспитанию учительства. М., 1978; В. И. Ленин, КПСС об интеллигенции: сборник / сост. С. А. Федюкин, И. К. Эльдарова. М., 1979; *Паначин Ф. Г.* Педагогическое образование в СССР: Историко-педагогические очерки. М., 1979; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1917—1941 гг. М., 1980; *Федюкин С. А.* Деятельность КПСС по формированию советской интеллигенции. М., 1984; *Афиногенова Т.* Сельский учитель в годы первых пятилеток // Народное образование. 1985. № 8. С. 24—37; Интеллигенция и революция: XX в. М., 1985; Народное образование в СССР. М., 1985; *Веселов В. Р.* Великий Октябрь и становление народного образования. М., 1987; *Моносзон Э. И.* Становление и развитие советской педагогики. М., 1987 и др.

³ *Булатников И.* Заработная плата просвещенцев // Народное просвещение. 1923. № 4. С. 12—17; *Медынский Е. Н.* Народное просвещение в СССР. М., 1952; *Его же.* Просвещение в СССР. М., 1955; *Королев Ф. Ф.* Очерки по истории советской школы и педагогики (1917—1920 гг.). М., 1958; *Попова Е. Т.* Забота КПСС и Советского правительства о материальном и правовом положении учителя. 1917—1937 //

Из этого ряда исследований были и исключения. Это труды российских эмигрантов П. Н. Милюкова, С. И. Гессена и др.⁴ В них упор делался на критику Советской власти в деле реформирования системы народного образования, были показаны трудности ее становления, приниженный социальный и материальный статус учителя в советской школе.

В 1990-е — начале 2000-х гг. в отечественной историографии наметился процесс переосмысления накопленного в предыдущий период научного наследия. Вновь усилился интерес к таким проблемам, как происхождение, истоки, характерные черты интеллигенции, ее роль в жизни общества, Советская власть и интеллигенция, провинциальная интеллигенция, советское учительство и его материальный статус, школа и общество, трудности в становлении и развитии советской системы образования⁵. Однако заметим, что доминировали работы теоретического и общего плана, по истории педагогики, народного образования

Ученые записки / Стерлитамак. пед. ин-т. 1961. Вып. 6. Стерлитамак, 1961. С. 49—56; *Бибанов Т. П.* Вопросы материально-бытового положения учительства в годы социалистического строительства (1921—1937) // Советская педагогика. 1981. № 1. С. 109—112; *Клищак И. А.* Материальное и правовое положение учительства (1917—1937) // Советская педагогика. 1990. № 1. С. 103—108.

⁴ *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. 2, ч. 2. М., 1994; *Гессен С. И.* Органы управления народным просвещением в СССР. Прага, 1926; *Его же.* Судьба коммунистической идеи и образования // Педагогика. 1993. № 6. С. 59—64 и др.

⁵ *Равкин З. И.* Мифы и реалии в истории отечественной школы // Советская педагогика. 1991. № 10. С. 110—117; *Осыкин О. А.* Тернии на путях новой школы // Советская педагогика. 1991. № 7. С. 73—75; *Борисенков В. П.* Школа России: прошлое и настоящее // Советская педагогика. 1993. № 4. С. 3—15; *Смирнов Н. Н.* На переломе: российское учительство накануне и в дни революции 1917 г. СПб., 1994; *Вендровская Р. Б.* Общественно-педагогическое движение в СССР (1917—1991 гг.). М., 1993; *Её же.* Отечественная школа 1920-х гг. в поисках педагогической идеи. М., 1996; *Липчанский А. М.* Становление советской системы образования. 1917—1927 гг. Астрахань, 1997; *Олейник О. Ю.* Советская интеллигенция в 1930-е гг. (теоретико-методологические и историографические аспекты). Иваново, 1997; *Власов В. А.* Школа и общество: Поиск путей обновления образования. Вторая половина XIX — первая треть XX в. Пенза, 1998 и др.

и учительства периодов второй половины XIX — начала XX в., 1920—1930-х гг. и далее, вплоть до конца XX в. Период Гражданской войны и начального этапа НЭПа выпал из данного порядка. Это отчетливо прослеживается по публикациям журнала «Интеллигенция и мир» (на базе Ивановского государственного университета) за 2008—2020 гг. Нами было выявлено за эти годы только семь публикаций по истории российского учительства: четыре статьи по периоду 1920—1930-х гг. (две — О. В. Золотарева⁶ и по одной — Н. А. Беловой⁷ и О. В. Капустиной⁸) и три по рубежу XIX—XX вв. (две — К. Е. Балдина⁹ и одна — Е. В. Мироновой¹⁰).

Аналогичная ситуация с разработкой поднимаемой нами темы сложилась и в региональной историографии, объектом исследования которой является педагогическая интеллигенция и народное образование Верхнего Поволжья¹¹. Отметим отрядный

⁶ Золотарев О. В. Советское учительство в 1920-е гг. // Интеллигенция и мир. 2009. № 3. С. 28—40; *Его же*. Советское учительство в 1930-е гг. // Там же. 2010. № 1. С. 56—67.

⁷ Белова Н. А. Учительская интеллигенция в 1920—1930-е гг.: повседневная жизнь в условиях социалистического строительства // Там же. 2010. № 4. С. 80—90.

⁸ Капустина О. В. К вопросу о пенсионном обеспечении советских педагогов в 1920-х гг. (Пенсии за выслугу лет и персональные) // Там же. 2020. № 2. С. 9—24.

⁹ Балдин К. Е. Педагогическая интеллигенция в провинциальном городе на рубеже XIX — XX вв. (На примере города Иваново-Вознесенска) // Там же. 2015. № 1. С. 9—27; *Его же*. Коллективный портрет земского учителя на рубеже XIX—XX вв. (На примере Владимирской и Костромской губерний) // Там же. 2016. № 3. С. 9—19.

¹⁰ Миронова Е. В. Становление земской учительской интеллигенции в Лаишевском уезде Казанской губернии // Там же. 2020. № 3. С. 7—20.

¹¹ Иванов П. Г., Гусев Н. А., Елисеева В. Ф. Народное просвещение и культурное строительство Ярославской области за 30 лет, Ярославль, 1947; Чернов Г. И. Развитие народного образования во Владимирской области за 50 лет Советской власти. Владимир, 1967; Голяков А. В. Из истории строительства советской школы в 1917—1925 гг. // Вопросы истории. Ярославль: [б. и.], 1968. С. 68—79. (Ученые записки; вып. 69); Салова Ю. Г. Очерки истории образования в Ярославской области. Рыбинск, 2010; Белова Н. А. Зарплата советских учителей в 1920—1960-е гг. // Ярославский педагогический вестник. Серия:

момент: усиливается внимание исследователей к проблеме повседневной жизни учительства, но по-прежнему она не рассматривается как цельная, самостоятельная тема историографии. Есть лишь фрагменты, отдельные факты и детали, да общие оценки тяжелого материально-технического состояния системы народного образования и низкого статуса учителя в период Гражданской войны и на начальном этапе НЭПа.

Особо выделим творческие наработки «передового аванпоста» российской науки: диссертационные исследования, в частности по тематике истории советской системы образования за последние 25 лет. Обзор диссертаций показал, что в целом сохранилась традиция подхода исследователей к тематике истории народного образования и интеллигенции: обилие работ по периодам 2-й половины XIX в. — начала XX в. и конца XX в., написанных в общероссийском, национальном и региональном ракурсах¹²; аналогично — по периоду конца 1920-х гг. — 2-й половины XX в.¹³

Гуманитарные науки. 2011. Т. 1, № 1. С. 36—37; *Рябинин А. Н.* Ярославское учительство в условиях НЭПа // Теория и практика высшего образования: межвуз. сб. науч. ст. Кострома, 1992. С. 67—68 и др.

¹² *Смирнов Н. Н.* Российское учительство накануне и во время революции 1917 г.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1994; *Сучков И. В.* Учительство России в конце XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995; *Поздняков А. Н.* Реформирование системы общего образования России в середине 1980—1990-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1999; *Панина О. А.* Народное образование в Среднем Поволжье во второй половине XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000; *Оторочкина А. Е.* Народное образование в губерниях Верхнего Поволжья в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005; *Егорова М. В.* Развитие системы среднего образования на Урале (1808 — февраль 1917 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009; *Созаев А. Б.* Народное образование в Терской области в 60-х гг. XIX в. — 1917 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2009; *Казакова О. М.* Провинциальное учительство в XIX в. — начале XX в.: на материалах Вятской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2009 и др.

¹³ *Ефимов Л. А.* Школьное образование в Чувашии в 1920-е — 2000 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2004; *Пигалева Н. П.* Учительская интеллигенция и ее роль в социокультурной жизни российской провинции в послевоенные годы (1945—1953 гг.):

На этом фоне исследования по периоду 1917 г. — первой половины 1920-х гг. выглядят весьма скромно¹⁴. Тема же материального и социального статуса учительства (в общероссийском и региональном разрезе) в первые годы Советской власти так и не получила своего развития. Более того, в целом уровень подходов к ней остановился на отметке публикаций практиков просвещения и работ авторов-эмигрантов 1920-х гг. Инициативы ряда молодых ученых через свои диссертации утвердить данную тематику в региональной историографии не получили развитие и понимание в научных кругах¹⁵.

на материалах Костромской и Ярославской областей: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2007; *Файзуллина Н. К.* Школьное образование в Западной Сибири в середине 1950-х — середине 1960-х гг. (на материалах Омской, Томской и Тюменской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010 и др.

¹⁴ *Балашов Е. М.* Становление советской системы народного образования. Октябрь 1917 г. — весна 1921 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992; *Войнов В. М.* Интеллигенция Урала в годы революции и гражданской войны (март 1917—1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1992; *Иоффе А. Н.* Социально-политические проблемы народного образования 1920-х гг. (на материалах Москвы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 1997; *Губскова Г. Г.* Власти и образование на Южном Урале накануне, в период революции 1917 г. и гражданской войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2003.

¹⁵ *Квитко С. В.* Развитие общеобразовательной школы в Черноземном регионе в 20-х гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1998; *Лупоядова Л. Ю.* Школа, учительство, молодежь западных губерний центра России (октябрь 1917—1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 1999; *Антимонова Г. В.* Создание и развитие школьной системы в Центральном Черноземье, 1917—1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2000; *Петрова Г. В.* Формирование учительской интеллигенции, 1917 г. — середина 20-х гг.: На материалах Верхнего Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2001; *Старшова И. Г.* Педагогические кадры Северо-Запада России 1917 г. — нач. 1930-х гг.: формирование, состав, материальное положение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Псков, 2003; *Малкова Ю. Л.* Социальный и материальный статус городского учительства Советской России в 1920-е гг.: по материалам Владимирской, Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губерний: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2004.

Подводя итог обзору российской историографии темы статьи, отметим, что до сих пор педагогическая интеллигенция не стала субъектом в исследованиях ученых, до сих пор период 1917—1922 гг. не выделен как объект изучения социального и материального статуса учительства, до сих пор материал по данной проблеме фрагментируется и размазывается по сопредельным периодам (дореволюционный и социалистической реконструкции конца 1920-х — 1930-е гг.). Более того, возникший было интерес у специалистов к разработке и самоутверждению данной проблемы на рубеже XX—XXI вв., во втором десятилетии XXI в. погас, о чем свидетельствуют статистика и тематика защищенных кандидатских и докторских диссертаций по специальности «Отечественная история». И последнее, на фоне обилия диссертаций, посвященных проблеме отражения периодической печатью разнообразных явлений и процессов российской истории, удивительная пустота в плане тематики отражения СМИ ситуации с материально-технической базой народного образования и положения учительства за годы Советской власти, особенно за ее довоенный период (1917—1941 гг.). Исключением стала кандидатская диссертация Л. А. Ивонинской на тему: «Проблемы народного образования в Советской России (по материалам периодической печати, октябрь 1917—1920 гг.)» (Л., 1980).

Предлагаемой статьей мы попытались дать такой материал именно через призму взгляда провинциальной печати на состояние системы народного образования и положения учительства так называемого «красного форпоста» советской власти центральной части России — Иваново-Вознесенской губернии в границах 1923 г. (Иваново-Кинешемский промышленный район с сопредельными территориями Владимирской и Костромской губерний).

Хронологические рамки исследования — рубеж 1920/21—1922 гг. Нижняя граница периода фиксирует результат проводившейся в сфере просвещения «красногвардейской атаки» на буржуазную школу: декларация основ новой школы, учреждение новых типов учебных заведений, основные направления обучения и воспитания подрастающего поколения (политико-просветительское, профессиональное и социальное воспитание). Верхняя граница — «отступление», вызванное условиями вступления в НЭП: резкое урезание финансирования народного

образования, усиление политического диктата над учительством, рецидив «заброшенности» властями проблемы обеспечения минимальных материальных нужд педагогов региона.

Источниковую базу публикации представляют материалы губернской газеты «Рабочий край» за 1921—1922 гг., ведущего печатного органа региона Верхнего Поволжья. Как правило, это официальные материалы, цензурируемые и публикуемые ответственными лицами губернского уровня, губернского комитета РКП(б) и губернского исполкома Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. Такой подход к источниковой базе статьи автор осуществил сознательно, чтобы не быть заподозренным в пристрастном подборе и интерпретации приводимых в работе данных.

Источник весьма трудоемок в плане поиска и систематизации фактического материала по теме. Осознаем, что его возможности в раскрытии предмета исследования имеют свои пределы. И все же, делаем акцент на материал вышеуказанного официального органа. Причинами этого являются: 1. Разноплановость помещенных в нем сведений, что обеспечивает «зеркальное» отражение исторической среды, атмосферы тех лет. 2. Сама позиция редколлегии: показ проблемы многослойно, то есть в номерах газеты слышна речь представителей местной власти, работников просвещения и общественности. Газета не диктует, а дает возможность самим читателям составить свое мнение о положении дел в системе народного образования. 3. Источник публичен по цели создания и содержанию, что ставило известные препоны для официальной власти «усреднять», нивелировать реальную ситуацию в данной сфере деятельности. 4. Отсутствие исследовательских работ по тематике отражения СМИ изменений в системе народного просвещения в вышеуказанные годы. Кстати, в диссертационных исследованиях рубежа XX—XXI вв., особенно затрагивавших аспекты материально-технического состояния структуры народного образования и положения учительства, подчеркивалась особая значимость материалов из периодической печати по этим сюжетам.

Постановка вопроса. Предметом исследования является показ проблем системы народного образования региона на историческом водоразделе двух политик правящего режима: военного

коммунизма и НЭПа, что напрямую отражалось на материальном и моральном статусе учительства города и села.

Цель исследования — дать историко-статистический обзор процесса становления советской системы образования в контексте его влияния на социальный статус учительства города и деревни в конце Гражданской войны и начальный период НЭПа.

Задачи исследования:

1) выявить динамику сети образовательных учреждений (общеобразовательные школы, ликбез и детские дома) в указанные годы;

2) рассмотреть, как резкое урезание финансирования народного образования повлияло на социальный статус учительства города и деревни Иваново-Кинешемского промышленного района на начальном этапе НЭПа.

Методология и методы исследования. Для рассмотрения предмета исследования применяется методология материалистического восприятия сущности общественных явлений и, в частности, его важнейшего компонента — системы народного просвещения. Базисными принципами ее являются историзм, системность и объективность в показе исторической среды, специфики и качества проявления в ней проблем становления и функционирования структуры образовательных учреждений РСФСР.

Методы подхода к рассмотрению проблемы: описательный, историко-сравнительный — позволяют соблюсти историзм течения событий, создать фон атмосферы тех лет; анализ и синтез фактического материала углубляют представления о содержании текста и выводят на уровень суждений и обобщений; опытно-статистические методы группировки способствуют анализу количественных параметров содержания проблемы.

Основная часть

События 1917 г. свидетельствуют о том, что учительство было полно надежд на конструктивные изменения в системе народного образования, выражало готовность помогать демократической власти в деле наполнения программы востребованными обществом знаниями и трудовыми навыками за счет светского принципа образования, преодоления разрыва начального звена школы от среднего образования.

Приход к власти большевиков и установление ими авторитарных порядков в системе образования, подозрительность правящего режима к учительству и начавшиеся по отношению к нему репрессии раскололи педагогическую интеллигенцию на противников и сторонников новой власти. Особенность исследуемого региона в том, что высокооплачиваемая часть педагогов (средних общеобразовательных и специальных учебных заведений) была чрезвычайно мала, здесь полностью отсутствовали профессорско-преподавательские кадры высших учебных заведений. Подавляющее большинство педагогического персонала было представлено учителями народных школ, связь которых с населением была чрезвычайно тесной. Этим объясняется то, что именно они выражали свою лояльность или нейтрально-примиренческую позицию по отношению к факту прихода большевиков к власти. Немалую агитационно-пропагандистскую роль, а для представителей народной интеллигенции и реальный шанс сделать профессиональную карьеру сыграло форсированное создание Иваново-Вознесенской губернии и зарождение в г. Иваново-Вознесенске системы высшего образования, в частности учительского института (решение было принято 22 июня отделом школьной политики Наркомпроса, а открытие института состоялось 21 декабря 1918 г.).

И все же запланированный руководством губернии и поддержанный учительством, родителями учащихся и общественностью «Октябрь» в сфере народного просвещения был труднореализуем в тех условиях. Его осуществлению мешали многие причины: отсутствие опыта, скудость интеллектуальных, организационных, материально-технических и финансовых средств, масштабность одновременно иницилируемых культурных мероприятий. И это на фоне стремительно набравшего обороты структурного кризиса социально-экономической жизни страны в условиях бескомпромиссной Гражданской войны и интервенции. Затянувшееся вооруженное противостояние (1918—1922 гг.) сорвало задуманное, более того, привело в действие тенденцию регресса в сфере народного просвещения. А вместе с ней началось погружение учительства края в трясину абсолютной нищеты.

Прежде всего, кризис проявился в сокращении сети общеобразовательных учебных заведений. Сокращение коснулось

всех типов школ. Так, число школ 1-й ступени сократились в среднем на 6 % от земской сети 1909 г., школ 2-й ступени — с 32 до 20 (за период 1920/21—1921/22 учеб. г., то есть на 32,5 %). В оправдание местных властей отметим, что темпы сокращения сети образовательных учреждений были ниже, нежели в других регионах. По данным Наркомпроса, в 1921/22 учеб. г. по различным губерниям не функционировало от 30 % до 80 % школ разного уровня. Так, в Калужской губернии работало лишь 1050 школьных учреждений (для сравнения: в 1920/21 учеб. г. — 1458), в Тульской губернии — 520 (вместо 1525), во Владимирской губернии в 1921/22 учеб. г. сеть школ уменьшилась на 40 %, в Костромской губернии — на 43,8 %, Вятской губернии — на 75—80 %, Иваново-Вознесенской губернии — на 30 %)¹⁶. По данным X Всероссийского съезда Советов, численность общеобразовательных школ снизилась с 68 тысяч (апрель 1922 г.) до 55 тысяч (октябрь 1922 г.)¹⁷.

Приводя вышеуказанную статистику, все же признаемся в ее условности: масштабы сжатия сети народного хозяйства были более разрушительными. Не исключением из правила являлся и относительно благополучный в этом плане Иваново-Кинешемский промышленный район. Статистика губернского отдела народного образования брала данные по уездам до массового сокращения школ, то есть до лета 1922 г. Другая погрешность чиновников от образования — сравнение показателя численности школ на несопоставимых территориях региона. Дело в том, что до лета 1922 г. площади Иваново-Кинешемского промышленного района выросли в связи с присоединением к нему Макарьевского уезда (126 школ в сельской местности и 9 — в городе) и значительной части Ковернинского уезда (32 сельские школы). Правда, после лета 1922 г. их число резко сократилось. Так, в Макарьевском уезде — более чем на 50 %¹⁸. На динамику убыли численности образовательных учреждений

¹⁶ Рабочий край: орган Иваново-Вознесенского губернского Совета Рабочих, Красноармейских и Крестьянских Депутатов и Губкома РКП(б). 1921. 18 июня; 1922. 2 июля; 11 авг., 7 нояб. Далее: Рабочий край.

¹⁷ Там же. 1922. 26 дек.

¹⁸ Там же. 1922. 24 окт.

негативно влиял и такой фактор: школьные помещения порой занимали различные учреждения. В частности, в г. Иваново-Вознесенске 2-я и 3-я школы 1-й ступени на улице Панской были заняты под рабфаки. Как сообщал источник: «400 детей были выброшены, многие дети не приняты в школы. Целый район пролетарского населения (улицы Панская — Кладбищенская) лишились школы 1-й ступени»¹⁹.

Отметим, что в ведение Наркомпроса входила и сеть пунктов по ликвидации безграмотности среди взрослого населения. В ней был задействован значительный кадровый состав учительства. Так, по данным 1920/21 учеб. г. в регионе функционировало 978 ликпунктов со штатом учительского и технического персонала 1144 человека. Были планы на 1921/22 учеб. г. довести численность данных образовательных учреждений до 1200, но с ноября-декабря 1921 г. ситуация на «культурном фронте» стала ухудшаться до размеров катастрофы: их количество сократилось до 17. По договору Губпросвета их передали на баланс предприятий Иваново-Вознесенского государственного текстильного треста. Многие педагоги лишились работы и средств к существованию²⁰. Этот негативный процесс шел по всей стране. По данным X Всероссийского съезда Советов (осень 1922 г.), в 1921 г. насчитывалось 17 462 пункта, в 1922 г. — 1126²¹.

Исключение составляли детские дома в крае (для дошкольников, школьного возраста и дефективных детей): в 1920/1921 учеб. г. их насчитывалось 78 (3029 детей), в 1921/22 учеб. г. — 98 (3945 детей), накануне 1922/23 учеб. г. — 120 (5500 детей, из них половина детей из голодающего Поволжья). В связи с этим в них открылись вакансии для школьного персонала. По данным за 1922 г., численность учительского и технического персонала в данном типе учебно-воспитательного учреждения выросла с 966 до 1203 человек²².

Общая тенденция к свертыванию сети учебно-воспитательных общеобразовательных учреждений вела к обострению кадрового вопроса, особенно после массовых увольнений

¹⁹ Там же. 1921. 26 окт.

²⁰ Там же. 1922. 11 нояб.

²¹ Там же. 1923. 19 янв.

²² Там же. 1921. 18 июня; 1922. 19 янв., 2 июля, 12 авг.

школьного персонала (учителей и технического персонала) летом 1922 г. Усилилась текучесть педагогического персонала, общеобразовательные школы теряли опытные кадры учителей. Преподаватели, сохранившие верность избранной профессии, вынуждены были искать другие места работы в системе народного образования: детдомовских учреждениях, структурах профессионально-технического и довузовского (рабфаки) и вузовского образования. Эти типы образовательных учреждений также подвергались сокращению, но в меньших масштабах. Так, к концу 1921 г. в губернии насчитывалось более 40 курсов различных специальностей, 12 профессионально-технических школ, 7 техникумов (землеустроительный, промышленно-экономический, художественный, плесский сельскохозяйственный и 3 педагогических в Иваново-Вознесенске, Шуе и Вичуге), 3 вуза (политехнический, институт народного образования и практический институт). Но к лету 1922 г. в губернии уже функционировало до 30 заведений Губпрофобра, 6 школ ФЗУ, несколько рабфаков и вузов²³.

Как сказало явление свертывания сети школьной системы народного образования на учебном процессе и положении учительства в рассматриваемый период? При этом заметим, что в эти годы росла численность учащихся общеобразовательных и профессиональных школ, воспитанников детских домов в регионе: в пределах 15,5—26 %²⁴. Особенно стремительный рост данного показателя наблюдался в промышленных центрах края. На III съезде Советов Иваново-Вознесенского уезда руководитель отдела народного образования М. Н. Кадыков заявил, что «число учащихся с 1917 г. выросло на 75 %»²⁵. Наконец, обратимся к статье заведующего ГУБОНО Ф. Сулковского «Народное хозяйство к 5-й годовщине революции»: за 1921—1922 гг. число школ 1-й и 2-й ступеней в крае снизилось на 5,1 %, педагогических кадров — на 15,3 %, а контингент учащихся вырос на 1,29 %²⁶.

Прежде всего, вышеуказанные факторы в сфере народного образования сказались на показателе интенсивности труда

²³ Там же. 1922. 2 июля.

²⁴ Там же. 1921. 18 июня; 1922. 2 июля.

²⁵ Там же. 1921. 10 дек.

²⁶ Там же. 1922. 7 нояб.

учителя, на высокой степени его профессиональной и физической изношенности. Обратимся к официальным высказываниям на этот счет заведующих ГУБОНО тов. Латышева и Ф. Сулковского. Тов. Латышев на X съезде Советов Иваново-Вознесенской губернии откровенно заявил: «Школьные работники изнывают от перегрузок». Из приведенной им статистики выходило, что к концу 1920/21 учеб. г. в среднем на 1 школьного работника приходилось 34 учащихся²⁷. Тов. Сулковский, руководитель системы народного образования губернии, в статье «Народное образование к 5-й годовщине революции» дал цифры, из которых следовало, что в 1921 г. в среднем на одного школьного работника приходилось 29 учащихся, в том числе по школе 1-й ступени — 33 учащихся, 2-й ступени — 4 (?) учащихся; в 1922 г. соответственно 34, 36 и 16 учащихся²⁸.

Разумеется, эта статистика не отражала школьные реалии тех дней. Начнем с того, что она не учитывала нагрузку педагогов, задействованных в сети ликбезов и детских домов. Кроме того, нередко учителя школ 1-й и 2-й ступеней в поисках заработка были совместителями в пунктах по ликвидации безграмотности населения и детских домах. Далее, надо учитывать, что под «школьным работником» тогда понимали и учителей и технический персонал. По данным на лето 1922 г., соотношение педагогов и технических работников составляло по: школам 1-й ступени соответственно 68 % и 32 %, школам-семилеткам — 72 % и 28 %, школам 2-й ступени — 78 % и 22 %, детским домам (всех типов) — 49 % и 51 %, учреждениям по правовой защите несовершеннолетних — 53 % и 47 %²⁹. Таким образом, острота данной проблемы сглаживалась на бумаге и в отчетах. На деле проблема оставалась, более того, она обострилась именно в 1921—1922 гг. Об этом свидетельствуют официальные признания ответственных лиц в сфере образования. Так, среди мер по нормализации учебного процесса предполагалось довести (точнее, легализовать существующую практику) норму в 40 учеников на одного учителя 1-й ступени, но оговаривалось условие, что учитель не должен иметь более двух отделений

²⁷ Там же. 1921. 18 июня.

²⁸ Там же. 1922. 7 нояб.

²⁹ Там же. 1922. 6 сент.

(параллелей). Что само по себе о многом говорит³⁰. На совещании работников школы 5 апреля 1922 г., инициированном уездными отделами Союза просвещенцев, оглашались факты двойной нагрузки работников школ 2-й ступени³¹.

Наконец, надо учитывать и сознательно проводимый местными органами власти курс на оптимизацию расходов на сферу образования в связи с хроническим дефицитом средств. Губернский отдел народного образования произвел расчеты затрат на содержание учительского персонала: по данным на лето 1922 г., 1 учитель (с хозяйственными расходами) обходился в 800 млн руб. Только на содержание 270 учителей Иваново-Вознесенского уезда требовалось 220 млрд руб. Расходы рассчитывались на весь учебный год³². Из статьи М. Чернова «К съезду работников просвещения»: «...ежемесячная потребность в средствах на содержание персонала — 120 млрд руб., на хозяйственные нужды — столько же, а получаем самое большое 20—22 млрд руб. Этих денег хватает только на содержание детских домов и совпартшкол. Приходится думать о сокращении»³³. Такая ситуация с недофинансированием сферы народного образования была характерна для всей республики. Из выступления ответственного работника ГУБОНО тов. Латышева на III съезде Советов Иваново-Вознесенского уезда (декабрь 1921 г.): до революции «тратили 240 млн руб. золотом в год, а на наступивший учебный год — 32 млн руб. золотом»³⁴.

Параллельно с явлением роста учебной нагрузки под разными предлогами шел процесс массового увольнения педагогов. Этот процесс пошел с весны 1922 г. Так, предполагалось сократить учительский персонал в школах 1-й ступени, в первую очередь за счет тех, кто не прошел курс гимназии, реального училища, учительской и духовной семинарии. Сокращения предусматривались и среди состава преподавателей музыки, пения, рисования и черчения³⁵. В октябре 1922 г. на совещании

³⁰ Там же. 1922. 5 марта.

³¹ Там же. 1922. 13 апр.

³² Там же. 18 авг.

³³ Там же. 2 июля.

³⁴ Там же. 1921. 15 дек.

³⁵ Там же. 1922. 5 марта.

заведующих уездными отделами народного образования подвелись итоги этой кампании. Так, в отчете заведующего Кинешемским уездным отделом отмечалось, что «за счет уездного бюджета содержится 439 педагогов, а на учете УОНО — 746 человек. По школам сокращено 46 человек, а всего за год — 158 человек»³⁶. Представитель Середского уезда отчитался в увольнении 74 школьных работников. Заведующий Родниковским УОНО заявил, что проведено «сокращение в школах: 50 % педагогов уволено из-за недостаточной подготовки, а остальные — за халатное отношение»³⁷. В Тейковском уезде в результате сокращений из 196 педагогов остались 164³⁸. В Иваново-Вознесенском уезде сокращено 30 работников³⁹. О сокращениях педагогов говорилось и на съезде учителей Юрьевецкого уезда 15 января 1923 г.⁴⁰ И еще один немаловажный фактор школьной жизни: на почве умственного и физического переутомления рос показатель заболеваемости учителей, а, следовательно, и часы замещений работающими педагогами своих больных коллег.

В еще худшем положении оказался педагогический персонал детских домов, «глухой уголок» бедствующей сферы выживания структуры народного образования. На съезде учительства Юрьевецкого уезда (15 января 1923 г.) были оглашены следующие факты о порядках в детских домах: в Пучеже «персонал работает 56 часов в неделю, получая мизерную зарплату и с задержками; дефективные дети не отделены от здоровых...»; в Лухском районе из-за сокращений персонал работает по 14 часов в день⁴¹. На III съезде Советов Иваново-Вознесенского уезда (декабрь 1921 г.) был озвучен факт: «В детских домах санитарный надзор выявил больных туберкулезом — 50 % всех детей»⁴².

³⁶ Там же. 1922. 25 окт.

³⁷ Там же. 22 окт., 25 окт.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. 1923. 25 янв.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. 1921. 15 дек.

Заключение

Как видим из вышеприведенных фактов и статистики по исследуемому региону, революционный разгром базисных устоев общенациональной системы народного образования в эти годы не сопровождался заменой аналогов, адекватных по масштабам, эффективных по результатам и консолидирующих своим содержанием цивилизационную сущность российского общества. Процесс становления и функционирования советской системы образования шел через разрушение, на фоне которого замыслы и дела власти вели к кризису всей структуры народного просвещения и, в частности, к убогости социального статуса педагога, просветителя и воспитателя.

Интеллигенция в лице учительства в силу своей органической связи с глубинной толщей народа стремилась прикрыть и преодолеть возникший «культурный разрыв» между навязываемыми властью пролетарско-классовыми установками и общенациональными нуждами в образовании. Учительство повседневной практикой своей деятельности стремилось сохранить преемственную связь в передаче знаний и принципов морали молодому поколению. Правящий же режим изначально по отношению к учительству принял осторожную, умеренно-нейтральную стратегию поведения, поддерживая на словах структуру народного образования, но забывая на деле об элементарной помощи ее субъекту, носителю знаний и вечных духовных ценностей — учителю. К этому подходу, ставшему на долгие десятилетия застывшим стереотипом к сфере образования, власти подталкивала и текущая политическая и экономическая ситуация, поведенческая модель правящего режима на протяжении в указанные годы.